

О. Мязотс

КРИТИКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ
«НОВОСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
И «ЧТО И КАК ЧИТАТЬ ДЕТЯМ»)

В 1910-е гг. журналы «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям» предприняли попытку выработать критерии оценки детских книг. Был подвергнут пересмотру традиционный взгляд на детскую книгу как, в первую очередь, воспитательный ресурс и обоснована необходимость оценки детской литературы прежде всего с точки зрения ее художественных достоинств. В годы Первой мировой войны, когда возникла необходимость оградить детей от военной пропаганды, воспитательный потенциал детской книги, способной утверждать гуманистические идеалы, снова выходит на первый план, однако и в этом случае критики призывали использовать силу художественного образа как наиболее эффективное средство влияния на духовный мир ребенка-читателя.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская детская литература начала XX в., критика детской литературы.

Начало XX в. было отмечено значительным ростом интереса русского общества к миру детства и проблемам воспитания. «Охватившее всю Россию сознание необходимости начать работу устройства лучшего будущего прежде всего с работы над подрастающим поколением естественно породило в широких слоях русского общества появление нового, более вдумчивого и серьезного отношения к вопросам воспитания детей — этих работников будущего» [От редакции 1911–1912, с. 1]. Интерес к детству как самоценному периоду в жизни человека повлек за собой интерес к детской книге и чтению, что повлияло и на оживление критики детской литературы, которой стало тесно в отведенных ей узких рамках отдельных публикаций в литературно-критических отделах газет и журналов, главным образом педагогических, реже литературно-популярных.

В то же время специалистов, да и публику, часто не удовлетворяло качество предлагавшихся литературных обзоров.

У нас существует бесконечное количество сборников критических отзывов о детских книгах и целые тысячи рецензий на них в журналах, но все это не критика, а рецензирование. В этой критике, можно сказать, нет никаких общих руководящих начал, с точки зрения которых она оценивала бы каждую книгу. У каждого рецензента детской книги есть свой собственный взгляд, но ничего подобного тем направлениям, которые наблюдаются в критической литературе, занимающейся рассмотрением книг для взрослых, по отношению к детским книгам — не существует [Чехов 1909, с. 12].

В 1911 г. практически одновременно, хотя и независимо друг от друга, в обеих столицах России, являвшихся крупнейшими центрами издания детской книги и периодики, появились два издания, специально посвященных критике детской литературы и журналистики. В Москве — «Новости детской литературы» (редактор А. И. Колмогоров), в Санкт-Петербурге — «Что и как читать детям: Ежемесячный критико-библиографический журнал для семьи и школы» (редактор Е. А. Елачич). Оба издания были обращены к широкой аудитории — родителям, педагогам, руководителям детского чтения. Эти журналы занимались не только непосредственно критикой литературных и научно-популярных произведений для детей, но также разработкой вопросов теории детской книги и периодики, иллюстрации для детей, вопросами руководства детским чтением, значительное внимание уделялось зарубежному опыту. Наряду с критическим разбором вновь выходящей литературы, оба издания выделяли место для обзоров книг, уже вышедших ранее, — с целью помочь разобраться в относительном достоинстве книг, получивших широкое распространение, и обратить внимание на незаслуженно забытые. Публиковались также материалы об отдельных авторах, анализ продукции различных издательств, проблемные тематические статьи, в том числе о принципах критики детской книги, а также ежегодные обзоры публикаций многочисленных детских журналов¹.

В области литературной критики XX в. наследовал во многом веку XIX, когда критика не ограничивалась узколитературными рамками, а активно вмешивалась в общественную жизнь и формировала общественное мнение, утверждала мировоззренческие ценности. Эта тенденция сохранилась и в отношении детских книг. В то же время редакторы обоих журналов осознавали важность

новых подходов к критике детской литературы, необходимость выработки «руководящих начал» оценки детских книг. Журналы уже с первых лет своего существования предпринимали попытки определить принципы критики детской литературы с тем, чтобы рассматривать детскую книгу не только как средство воспитания, но и с точки зрения ее художественных достоинств.

В этой связи важным стал вопрос о роли назидания в детской книге. Дискуссию на эту тему начал в 1911 г. Е. А. Елачич в журнале «Что и как читать детям», выступив со статьей «Место морали в детской книге». Автор рассуждал о том, насколько необходимо откровенное поучение, насколько оно действенно, и ставил вопрос о необходимости, или еще строже — допустимости тенденциозного морализирования в детской книге. Тем самым критик вступал в полемику с утвердившейся в XIX веке традицией расценивать детскую книгу прежде всего как инструмент воспитания². В своей статье Елачич анализировал роль назидания в немецкой и французской детской литературах, где, в первом случае, оно опирается на угрозу наказания, а во втором, наоборот, подкрепляется поощрением. Однако и тот и другой способ не вызывают его одобрения, как и нарочитое назидание в русских книгах, где мораль хоть и проповедуется «не так докучливо и не в таких отталкивающих формах» [Елачич 1911–1912, с. 4], но все же элемент назидательности присутствует в каждой книге, что, по мнению критика, «покупается дорогою ценою умаления ее художественности и жизненной правдивости» [Елачич 1911–1912, с. 7]. Елачич считает, что прямое морализаторство неспособно научить маленького читателя быть добродетельным: нравственное воспитание возможно только через живой пример, личное переживание, наблюдение жизни такою, какая она есть на самом деле. Таким образом, «единственным обязательным требованием, которое следует предъявлять к каждой детской книге, — это требование полной правдивости, естественности, искренности и художественности. Фальшь и разного вида неправда не допустима ни в каком случае, в какую бы нарядную одежду высокой морали она ни облакалась» [Елачич 1911–1912, с. 6]. Елачич, призывая изгнать из детской книги ненужную назидательность, видит в этом очищении залог успешного развития детской литературы. Он убежден, что именно правдивая, честная литература способна оказать на маленького читателя облагораживающее влияние.

Обсуждение места и роли морали в детской книге продолжила Е. Чернолусская, которая в статье «Критика детских книг в Германии» подробно изложила, развернувшуюся в начале XX в. дискуссию немецких педагогов и литературных критиков о назначении детской книги. В данном случае автор характеризует назидательный компонент как «тенденциозность», проявляющийся особенно ярко в произведениях, художественная задача которых ограничивается лишь тем, что им надлежит служить иллюстрацией некой нравственной сентенции, и излагает мнение известного педагога Генриха Вольгаста, утверждавшего, что «детская литература должна быть свободна от всякой тенденции, лежащей вне ее художественной задачи» [Чернолусская 1911–1912, с. 2].

«Новости детской литературы» в это же время предпринимали попытки выработать основные критерии оценки детской книги. Этой теме посвящены две опубликованные с интервалом в год статьи с одинаковыми названиями — «Принципы критики детских книг». Н. Саввин в июне 1912 г. начинает свою статью с оценки взглядов немецкого педагога Генриха Вольгаста. Это не случайно: совсем недавно вышла в русском переводе его книга «Проблемы детского чтения», где Вольгаст сформулировал важнейший для него принцип приоритета художественности над назидательностью: «Детская книжка <...> непременно должна быть художественным произведением» [Саввин 1912, с. 1]. Важнейшим компонентом художественности является реализм — достоверное, неприукрашенное изображение действительности. Для Вольгаста главное — художественное воспитание юных поколений, особое значение он придавал развитию у детей способности к наслаждению литературным произведением.

Однако, судя по приведенным в статье отзывам русских критиков и специалистов по детскому чтению, не все разделяли эти убеждения. Требование достоверного изображения действительности вступает в противоречие с желанием взрослого оградить юного читателя от излишне ярких описаний бедствий, несчастий, «слишком зверских проявлений человеческой природы» [Саввин 1912, с. 5]. Саввин цитирует вступление к указателю «О детской книге», выпущенному издательством «Труд», автор которого считает, что «для детей чтение является не только единственным стимулом умственного развития, но и тем убежищем, в котором молодая душа инстинктивно видит спасение от окружающей ее темной действительности» [Саввин 1912, с. 5]. Забегая вперед, отметим, что в годы

Первой мировой войны, когда педагогам и руководителям детского чтения придется решать, до какой степени можно показывать ребенку ужасы войны, эта тема встанет весьма остро.

В то же время Н. Саввин указывает на то, что Г. Вольгаст не сумел «определить границы художественного реализма в детской книге» [Саввин 1912, с. 1], тогда как именно этот пункт является, по мнению автора статьи, отправной точкой при определении принципов критики детской литературы. Более того, начав с утверждения важности эстетических критериев оценки детской книги, немецкий педагог, в конце концов, пришел к признанию необходимости соответствия художественного произведения для детей педагогическим нормам. Отмечая «незаконченность в развитии ребенка», иную, чем у взрослого, «жизнь чувств» и «слабость и непостоянство детской воли», немецкий педагог делает заключение, что произведение детской литературы должно создаваться «сообразно с этими отличительными особенностями детской психики» [Саввин 1912, с. 4], т. е. ставит вопрос о доступности текста пониманию ребенка-читателя. Саввин считает, что в этом случае непременно «получится урезка порою широко взятой темы», ему кажется, что это требование умаляет свободу творчества детского писателя.

Н. Саввин пробует сам определить основные проблемы, встающие перед детской литературной критикой. По его мнению, это в первую очередь определение границ художественного реализма и степени моралистического элемента в детской литературе. «Иначе говоря — в каких формах и в каких пределах может быть развернута жизнь перед юным читателем и в какой дозе может встречаться в ней дидактизм» [Саввин 1912, с. 4]. В то же время критик указывает и на третий важный фактор, оказывающий влияние на детскую книгу — «отношение к ней самого читателя, степень заинтересованности последнего в том или другом произведении» [Саввин 1912, с. 5].

Однако и Саввину не удалось дать четкий ответ на поставленные им же самим вопросы и определить универсальные критерии критики детской литературы. «Нет спору, идеальная критика была бы та, которая точно и ясно установила границы художественного реализма, провела бы грань между искусственным морализированием и дидактизмом, органически слитым с художественным образом, но это невозможно: только конкретный факт в виде книги дает возможность выяснить кардинальный пункт кри-

тики детской литературы» [Саввин 1912, с. 12]. В конце концов автор приходит к выводу о неизбежной субъективности оценок как взрослого критика, так и маленького читателя и признает, что «вопрос о принципах критики детской книги навсегда останется нерешенным вопросом, вечно волнующею теоретика и практика проблемой» [Саввин 1912, с. 13].

Спустя год еще одну попытку сформулировать основные критерии оценки детской книги предпринял уже главный редактор журнала «Новости детской литературы» А. И. Колмогоров. Признавая необходимость моральных элементов в детской книге, автор утверждает, что действенными они могут быть лишь тогда, когда облечены в форму художественных образов:

Мы всегда отдадим предпочтение книге, которая будет вызывать здоровое, бодрое и радостное отношение к жизни, которая будет развивать путем ярких образов в ребенке любовь к людям активную, пробуждающую интерес к природе, к живому творческому труду, и будет содействовать выработке свободной во всех отношениях личности. Но морализированию в форме назидания, прямого поучения и проповеди не должно быть места в детской книге [Колмогоров 1912–1913, с. 4].

Особое внимание Колмогоров уделяет языку детской книги, который, по его мнению, должен быть простым, но выразительным. В конце концов Колмогоров оставляет как универсальные два основных требования к детской книге — она должна быть «доступна по содержанию и художественна» [Колмогоров 1912–1913, с. 6]. И поясняет: «Всякое художественное произведение, по самому существу своему, должно быть чуждо всякого морализирования, правдиво в изображении жизни, должно вызывать в читателе работу мысли, чувства и воображения, должно быть написано простым, выразительным языком» [Колмогоров 1912–1913, с. 6]. Те же требования критик выдвигает и к иллюстрациям в детских книгах. Сознвая, что своей статьей он скорее приглашает к дискуссии, чем ставит в ней точку, Колмогоров в заключении призывает вынести обсуждение столь важной темы на специальный съезд по детской литературе.

Интенсивная работа по выработке принципов критики детских книг была прервана мировой войной. Однако начатая в предвоенные годы дискуссия в значительной степени определила позицию критиков в годы Первой мировой войны и способствовала выработке требований, предъявляемых к трактовке темы войны в русской детской литературе. Рассмотрим далее, как шла эта работа.

Осенью 1914 г. выпуск журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям» обрывается. Редакция журнала «Что и как читать детям» объясняет своим подписчикам, что «при настоящих условиях общественной жизни она не в состоянии вести текущую работу критики детской литературы и разработку разнообразных вопросов постановки детского чтения <...> как того требует добросовестное исполнение взятого на себя общественного дела» [От редакции 1913–1914, с. 1].

Однако уже в январе 1915 подписка на оба журнала возобновляется. И с первых номеров военная тематика занимает значительное, но не преобладающее³ место в каждом номере — это и обзоры, и программные статьи, и подборки рекомендательной библиографии.

В первом же номере 1915 г. редакция «Новостей детской литературы» обращается к читателю с призывом незамедлительно направить свою работу на сохранение культурной жизни страны и противодействие разрушающему влиянию войны:

Война поставила перед народами ряд новых проблем, ряд новых вопросов, которые требуют немедленного разрешения. Война неизбежно понижает размеры культурной работы, изменяя вместе с тем взгляды и настроения различных слоев общества, поэтому необходимо со всей энергией стоять на страже и защите нашего культурного достояния. Особенно остро стоит вопрос о влиянии войны на подрастающее поколение. <...> все, в чьих руках находится воспитание детей и юношества, должны внимательно следить за тем, как отражается война на детском сознании, и бороться со всем, что может заронить в детскую душу неправильные представления и зажечь в ней грубый шовинизм и националистическую нетерпимость [От редакции 1915, с. 1–2].

Многочисленные статьи в различных периодических изданиях были посвящены изучению влияния военных событий на детей⁴. В журнале «Что и как читать детям» к руководителям детского чтения обращается Евгений Елачич. Анализируя реакцию детей на военные события, он отмечает, что дети не могут быть пассивными зрителями всего происходящего кругом и так близко затаргивающего все стороны жизни. Они хотят быть активными, задают вопросы, читают. Но что и как читают дети? Елачич отмечает повышенный интерес детей к военной теме:

Дети много читают, требуют книг о войне, описания военных действий не только современной, но и когда-либо бывших войн. Интересуются военными героями, спрашивают книги, из которых можно

было бы ознакомиться с историей воюющих народов и понять причины их столкновения; интересуются жизнью и культурой воюющих стран и т. д. С другой стороны, наблюдаются факты обратные — дети мало или ничего не читают, кроме газет и разных иллюстрированных журналов, почти нацело посвященных событиям войны [Елачич 1915, с. 13].

Автор предупреждает об опасном влиянии газет и бульварной прессы на ребенка-читателя: подобные издания легко пробуждают в ребенке ненависть, шовинизм и ложный патриотизм. Елачич указывает, что особую важность в этой связи приобретает умелое руководство детским чтением:

Если юный читатель склонен читать только одностороннюю военно-героическую литературу и если, читая ее, он нисколько не чувствует другой стороны, так сказать, отрицательной стороны войны, руководитель принесет ему большую пользу, если сумеет направить его внимание на чтение военных описаний и рассказов, описывающих не только войну-победу, но и войну-гибель и страдание, войну как носительницу горя, войну — разорение годами создаваемых людскими трудами ценностей [Елачич 1915, с. 16].

Роль руководителя детского чтения, считает Елачич, не исчерпывается удовлетворением детских интересов. Необходимо содействовать зарождению новых, более здоровых запросов. Он предлагает направить усилия взрослых на то, чтобы переключить внимание детей с тенденциозных, зараженных человеконенавистничеством публикаций, на познавательные: ведь интерес к войне подстегивает у ребенка интерес к получению дополнительных знаний о воюющих державах, их истории, культуре, экономике и политике, которые необходимы ему для понимания происходящего. Многие стороны жизни, считает автор статьи, можно осветить детям именно в связи с переживаемой войною.

Елачич видит в создавшейся сложной ситуации и положительные моменты, дающие руководителю детским чтением новые возможности:

Как важно воспользоваться таким повышенным интересом детей к вопросу национальных столкновений, чтобы побудить их серьезно задуматься над ними и помочь им понять простую истину о праве каждой национальности на существование. Тут можно с большой пользой использовать исторические рассказы и описания войн за независимость, за веру, за национальную самобытность, войн, бывших к разным временам и давших столько ярких примеров высокого героизма и беззаветной любви к своей родной земле [Елачич 1915, с. 17].

Разжиганию шовинизма педагог противопоставляет проповедь гуманистических идеалов и ставит перед взрослыми, руководителями чтения, задачу не только «помочь увидеть ему (ребенку. — *О. М.*) человека во враге» [Елачич 1915, с. 17], но и призывает, развивая в детях любовь к собственной родине, воспитывать в них и уважение к «здоровому национализму каждой человеческой нации, каждого народа» [Елачич 1915, с. 17]. Его волнует то, как скажется на будущем детей опыт пережитых лет войны. «Как опасно, как плачевно будет, если со временем окажется, что то поколение, которому суждено будет ликвидировать войну, будет заражено ядом человеконенавистничества, если мы, русские, оказавшись победителями, будем в упоении победою угнетать побежденных и своею национальностью давить и унижать все иные, менее сильные» [Елачич 1915, с. 18].

Статья Елачича не только поставила задачи перед руководителями детского чтения, но и определила предпочтительные направления детского книгоиздания в условиях военного времени, а также принципы оценки многообразной книжной продукции, при этом особенности военного времени снова выдвинули на первый план воспитательное значение детских книг.

Оба журнала энергично приступают к выполнению поставленных целей: регулярно публикуются не только тематические статьи, но и аннотированные и не аннотированные списки новинок, а также многочисленные рецензионные обзоры: тематические, по издательствам, по журналам. Подробно разбираются различные виды изданий для детей и печатной продукции, так или иначе попадающих в круг детского чтения: книги, брошюры, альманахи и сборники, журналы, газеты — списки изданных в военные годы детских книг отражают обилие и многообразие книжной продукции. Анализируются произведения разных жанров: научно-популярная литература, художественная проза, поэзия. В военные годы остается высокой доля переводной литературы, причем литература вражеского лагеря издается тоже.

В 1915 г. сотрудники обеих редакций внимательно изучают изменения на рынке детской литературы и отмечают, что:

...книжный рынок пошел по пути наименьшего сопротивления. Если нельзя дать хороших книг на темы текущего дня, то надо заменить их на «какие можно», лишь бы их было побольше <...> полился поток написанных наскоро, не специалистами, дешевых брошюрок, полных

грубого национализма, с массой ошибок, полным искажением фактов и изумительной поверхностностью объяснений переживаемого момента [Популярная литература о современной войне (Обзор 1) 1915, с. 5–6].

Как оценивать скороспелую, большей частью откровенно пропагандистскую и тенденциозную литературу, которая попадает в руки ребенка? Нужна ли разработка каких-то новых критериев применительно к ситуации военного времени? Елачич предлагал не тратить времени на выработку «новых путей». Сформулированные в предыдущие годы критерии оценки детских книг, считал он, вполне пригодны и в новых военных условиях. И все-таки война не могла не внести перемены в работу критиков: «война всех держит в своих тисках, трудно, почти невозможно, быть объективным, беспристрастным к событиям и фактам; рассудок легко подавляется чувством <...> трудно также сейчас соблудности перспективу, масштаб, когда события нарастают таким усиленным темпом, при котором о многом нельзя знать, нельзя судить, а главное, объяснять» [Популярная литература о современной войне (Обзор 1) 1915, с. 6].

Следует отметить, что принципы освещения военных событий в книгах, предназначенных для детского чтения, обсуждались еще до начала Первой мировой войны — в частности, в связи с празднованием столетия войны 1812 г. Уже тогда, подвергая подробному разбору выпущенные к юбилею книги, критики указывали на то, что необходимо «хоть в известной мере, воспрепятствовать распространению бесчисленного количества изданий, пытающихся посредством грубого искажения исторической действительности, посредством опозорения врага и постоянного втоптывания его в грязь воспитать в читателе чувства низкопробного и человеконенавистнического “патриотизма”» [Владиславлев 1912, № 12, с. 1]. Неприятие вызывало и намеренное смакование жестокостей, пагубно влияющее на детскую психику: «такие книжки могут возбудить в детях только чувство неправильного и нездорового патриотизма и нездоровую активность, направленную на то, чтобы колотить и бить» [Рецензии на новые детские книги 1912, с. 19]. В то же время поддержку вызывают те авторы, которые приводят примеры «милосердия русских по отношению к поверженным врагам, французским пленным, тем самым возбуждая в читателях гуманные чувства и сознание, что все люди — братья» [Рецензии на новые детские книги 1912, с. 19].

Критики отмечали в юбилейных изданиях тенденцию к созданию ура-патриотического шаблона, который в рассказах для детей о войне приобретал черты «кровавой пинекртоновщины» [Рецензии на новые детские книги, 1912, с. 19] — полных фальшивой героики приключений, где реальные исторические события тенденциозным образом искажаются ради усиления патриотического эффекта. В подробных обзорах юбилейных изданий критик И. Владиславлев призывал противопоставить такой литературе произведения, представляющие объективную картину исторических событий, приветствовал появление популярных исторических очерков, основанных на изучении фактографического материала и «дающих связное последовательное описание событий войны 12 года, причин возникновения и последствий, которые она имела» [Владиславлев 1912, № 9, с. 7]. Также он с одобрением отмечал публикации не только русских, но и иностранных мемуаров, представлявших, по его мнению «для русского читателя особый интерес» [Владиславлев 1912, № 9, с. 5]. Особо отмечалась критиками необходимость писать не только о событиях фронтовых, но и о том, что во время войны происходило в тылу, в деревне и в городе, о страданиях и подвигах мирного населения — ведь именно эта «домашняя» жизнь была близка и понятна детям.

Е. Елачич в упомянутой выше статье «Место морали в детской книге» приводил как пример верного решения военной темы изданный в 1911 г. роман В. Немировича-Данченко «Гроза», посвященный русско-турецкой войне. Это произведение заслужило и одобрение рецензента журнала «Что и как читать детям» как книга, которая «открывает перед читателем не ту обманчивую картину войны, выраженную словами “гром победы раздавайся, веселился славный росс”, а правдивую картину ужасного взаимного избиения людей» [Без автора 1911–1912, с. 26–27].

Гуманистические взгляды редакций обоих журналов, выработанные буквально накануне Первой мировой войны, несомненно, помогли им в первые военные месяцы преодолеть короткий период растерянности и определить свою принципиальную позицию по отношению к ситуации военного времени.

В 1915 г. журналы «Новая детская литература» и «Что и как читать детям» регулярно помещают специальные обзоры книг о войне⁵, которые включают как познавательную литературу — разнообразные серии, посвященные истории, политике и экономике воюющих государств, — так и беллетристику. При этом

рецензии, как правило, сопровождаются комментарием о доступности книги пониманию читателя-ребенка, обязательным указанием, на какой возраст рассчитано издание, и заключением, возможно или нет рекомендовать их для детского чтения.

Редакции обоих журналов ставят перед авторами, пишущими о войне, важные воспитательные задачи: «с одной стороны — обезвредить, несколько притупить тот острый интерес, который так глубоко захватил впечатлительную и восприимчивую молодежь, а с другой стороны, воспользоваться новыми настроениями, чтобы закрепить в детской душе все великие ценности человеческого духа, ярко выявившиеся в великой мировой войне». [Популярная литература о современной войне (Обзор 1-й) 1915, с. 6].

Руководители детским чтением с тревогой отмечали опасное влияние тенденциозных пропагандистских изданий, так или иначе попадавших в руки детей: газет, журналов, брошюр, листовок. «Дети, наряду со взрослыми, набросились на газеты, журналы, жадно ловя всякие известия о военных действиях, — писал А. Колмогоров. — <...> Газеты кричат о героизме, не жалея красок, возводя случайные поступки на высоту великого подвига и этим заражают детей. <...> Если к этому прибавить еще многочисленные альбомы картин, с текстами и без текста, на темы военных событий, выпущенные изд. Сытина, то кошмарная цепь, захватившая в свой круг детей, будет замкнута» [Колмогоров 1915, с. 6]. Критики и педагоги, желая защитить детей от любых попыток манипулировать их чувствами, в критических разборах военного времени значительно больше, чем в прежние годы, уделяли внимания воспитательному влиянию детского чтения.

Сознавая, что дети не в состоянии самостоятельно противостоять откровенно тенденциозным публикациям (в силу нехватки опыта и знаний им трудно объективно оценивать ситуацию, и они становятся легкими жертвами любой пропаганды), — авторы книжных обзоров обращают особое внимание на многочисленные популярные информационные серии, которые в лучших своих образцах способны помочь ребенку-читателю не только разобраться в сложностях военных конфликтов, но и развить способности критического восприятия информации, а также, расширяя детский кругозор, помогают переключить внимание юных читателей на мирные интересы.

Особенно сложной становится как для читателя, так и для писателя и критика проблема нравственного оправдания убийства.

Первыми на это обратили внимание педагоги. Так, редактор журнала «Вестник воспитания» М. Рубинштейн, рассуждая о сложности нравственного выбора, писал, что «совесть наша, пока она остается насыщенной индивидуальной личной моралью, ясно и отчетливо, без всяких оговорок и ограничений, безусловно повелевает нам “не убий!”», не лишая жизни человека даже тогда, когда он сам погрешил против этого божественного величия...», однако, педагог-гуманист в то же время вынужден был признать, что «в наших *реальных* условиях слышится не менее безапелляционный голос социальной совести, требующий отдать свою жизнь на защиту своего народа» [Рубинштейн 1915, с.3], подавить личное мнение и отдаться общему делу — т. е. делу войны и неизбежного убийства.

Осознание трагичности и губительности такого выбора влияло и на оценки литературной критиков. Осуждению подвергаются любые попытки смакования жестокостей войны, изображение бессмысленного ухарского «героизма»: «безусловно антипедагогичны описания, в которых убийство переходит в нечто вроде спорта. Правда, без убийства нет войны, но его приходится принимать как тяжелую необходимость; и нельзя допустить, чтобы у детей могла зародиться мысль о другом отношении к вопросу» [Павлова-Сильванская 1915, с.143]. И здесь перед авторами и критиками снова встает вопрос о «границах художественного реализма», поднятый еще в предвоенные годы: становится очевидно, что в книгах о трагических событиях войны требование достоверного изображения действительности необходимо корректировать с учетом возрастных особенностей ребенка-читателя. Откровенно натуралистические описания ужасов войны, а тем более их тенденциозная подача, с целью повлиять на детские чувства, распалить ненависть и жестокость — заслуживали несомненного осуждения.

Недопустимым и вредным считают авторы обоих журналов пренебрежительное и неуважительное отношение к противнику — это не только противоречит реальному положению вещей, но и внушает детям легкомысленное отношение к войне, как к игре, где победа уже заранее гарантирована. Н. Бекетова в рецензии на книгу А. Шишкина «В борьбе за родину» пишет:

Местами получается впечатление, что описывается не война с немцами, а охота за немцами. Немцы описываются как глупый, недогадливый, трусливый народ. Даже лошади и собаки у них глупые. Русские справляются с немцами с удивительной легкостью, забирают их в плен, как баранов и т. д. «Вот дураки-то, думали казаки. Прямо на смерть прут, —

бей на выбор. Даже разезда вперед не выслали!» <...> через все рассказы проходит презрительное отношение к колбасникам, которых так просто и легко можно “лупить”, арканить, бить и пр. Если автор думает, что это поднимает настроение читателя, придает бодрости духа — то он ошибается. Даже дети, читая эти книжки, без особого труда придут к выводу, резко осуждающему нашу армию и оскорбительному для нее: если немцы так глупы и трусливы и если их так легко “лупить”, то почему же война не кончена уже давно, давно полным разгромом этих “колбасников из-за пивного прилавка”? » [Бекетова 1916, с. 279]

Рецензент делает вывод: «Полагаю, что подобной ложной, хвастливой литературы никому не надо, а для детского чтения она решительно не пригодна» [Бекетова 1916, с. 279].

Неодобрение критиков вызывают и попытки намеренной романтизации войны — ее трагические события предстают перед юными читателями в героическом ореоле, ничего общего не имеющим ни с правдой жизни, ни с художественным реализмом. Именно с таких позиций критик В. Абрамова оценивает повесть Лидии Чарской «Игорь и Милица», где автор в свойственной ей манере увлекает читателя приключенческим сюжетом, сдобренным романтической интригой — любовь двух молодых людей, сбежавших на войну и прославившихся своим героизмом. Возмущение критика вызывает не столько надуманный сюжет, сколько именно романтический ореол, которым окутаны все события и поступки героев:

Война — это, по Л. Чарской, ряд подвигов и наград, ряд сильных переживаний, для которых окружающие смерти, разорванные тела и т. п. лишь фон, только ярче подчеркивающий славу описываемых героев. Ну, как в 13–14 лет, прочитав такую книгу, не убежать мальчику или даже девочке на войну? Книга, вероятно, и написана с целью такой пропаганды, иначе и объяснить нельзя намерение автора. А потому эта повесть не должна попадать в руки детей, которым нужно давать книги о войне лишь строго проконтролированными и с большим разбором. Иначе мы принесем огромный вред будущим поколениям [Абрамов 1916, с. 173].

Попытки представить в детской литературе образ положительного героя военного времени, дать юному читателю образец для подражания терпят неудачу в том случае, если идея, «тенденция» опережает художественное осмысление. Как неудачу расценили критики сборник рассказов популярного детского писателя Е. И. Шведера «В лазарете», где «большая часть рассказов является как бы иллюстрацией, лежащей в основе мысли их автора —

показать сочувственную, незаинтересованную помощь тем, кто страдает от войны» [Рецензии на новые детские книги 1915, с. 20]. Критики отмечают не только шаблонность, схематичность персонажей, лишенных живых индивидуальных черт (преданная своему делу сестра милосердия, «старуха, жертвующая последним холстом для раненых, беженцы, ухаживающие за оставшимся на поле боя раненым солдатом»), но и «одинаковость основной мысли рассказов, что налагает на сборник печать какого-то скучного однообразия» [Рецензии на новые детские книги 1915, с. 20]. Разделяя убеждение Е. Елачича, утверждавшего еще в 1912 г., что «мораль в форме искусственного рассказа должна быть совершенно исключена из детской книги» [Елачич 1912, с. 7], рецензенты делают вывод: «мы считаем этот сборник лишним в детской библиотеке» [Рецензии на новые детские книги 1915, с. 20].

Столь же суровый приговор вынесен и книге А. Кайского «Дети на войне», автор которой с целью усилить достоверность описываемых событий почерпнул прямо из газет истории о детях, убежавших на фронт. В рецензии отмечается, что А. Кайский создает ненужный и опасный образец для подражания. Эта безответственная попытка играть на детских чувствах, оперируя искаженными, приукрашенными, тенденциозно истолкованными фактами, вызывает гнев критиков:

Нас удивляет, почему автор, перепечатывая из газет корреспонденции о подвигах детей-героев, не привел и других известий, говорящих о всех тех ужасах, которые выпадают на долю этих детей, ужасов, которые не под силу и взрослым. <...> вот другая выписка, характеризующая отношение к «детям-героям» самих военных: «Пусть все эти мальчики с пальчики являются показателями всеобщего патриотического подъема на Руси, но сами они обречены на верную гибель в бурном океане войны. <...> Пусть некоторым удастся быть полезными, даже стать героями. Но ведь это — единицы, а гибнут тысячи... И воспевать этих «юных героев» значит сознательно толкать детей туда, где их ждет смерть или, в худшем случае, болезнь. Мы усиленно предостерегаем читателей от книги г. Кайского, от нее необходимо уберечь детей» [Литература о современной войне (Обзор 5-й) 1915, с. 2–3].

В то же время тема юных беглецов-добровольцев не решается критиками однозначно негативно. Так, говоря об опубликованном в журнале «Семья и школа» рассказе П. Сурожского «Маленький воин», герой которого, 12-летний мальчик Максимка, после того как его отец ушел на войну, убежал из дома и прибил к полку,

стоявшему у деревни, где стал хорошим помощником: пек хлеб, мыл посуду, стирал, исполнял мелкие поручения, а потом уехал с полком на австрийский фронт, обозреватели журнала «Новости детской литературы» в целом оценили рассказ положительно — как правдивый и лишенный тенденциозности: «Автор говорит о своем герое просто, без тени искусственности, в тоне искреннем, и в целом рассказ производит хорошее впечатление» [Обзор журналов для детского чтения за 1915 г. 1915, с. 6].

Следуя определенному еще в довоенное время требованию доступности произведений пониманию ребенка-читателя, критики с особым вниманием относились к разнообразным адаптациям взрослых произведений для «мало подготовленного читателя» — к этой категории издатели относили «читателей из народа», солдат и детей. Сознвая необходимость подобных изданий, увеличение числа которых было обусловлено чрезвычайной ситуацией военного времени, рецензенты, однако, были недовольны тем, что подобные переделки часто производились слишком грубо, нарушая авторский замысел и пренебрегая художественным своеобразием оригинального текста. Выбирая между «доступностью» и «художественностью», рецензенты неизменно вставали на защиту последней, считая, что, «если какое-нибудь произведение недоступно неподготовленному читателю, всегда лучше подождать до тех пор, когда оно станет понятно ему, когда он будет в силах оценить его художественные достоинства» [Павлова-Сильванская 1915, с. 238].

С этих позиций критик З. Павлова-Сильванская в журнале «Что и как читать детям» оценивала, например, серию книжек «Война и народы» издания М. Слепцовой, предлагавшую читателю адаптации произведений зарубежных писателей-классиков:

Нужно отдать справедливость издательству, из мировой литературы о войне оно отобрало для своей новой серии «Война и народы» в самом деле художественные, сильные вещи — Золя, Мопассана, Доде, Стриндберга и т. п.; общая идея всех — война тяжелое бедствие, которое требует от человека очень много, не только материальных лишений, но главное нравственных сил, огромного напряжения воли и чувства. Со всем этим — и с выбором произведений, и с общей их идеей — нельзя не согласиться, но... к сожалению, все эти прекрасные произведения (за очень малым исключением) безжалостно урезаны, сокращены, пересказаны, а иногда переделаны почти до неузнаваемости, и не чувствуется Золя, Мопассана, Доде, есть один автор из всех со своим тоном и языком, автор-переделыватель для изданий Слепцовой [Павлова-Сильванская 1915, с. 239].

С этим мнением согласны и критики «Новостей детской литературы», которые, в частности, рассматривая одну из книг серии — переделку романа В. Маргерит «Родная страна», осудили издательство, которое оставило читателю «только голые факты, в самом простом и примитивном соотношении. Вся сложная психология действующих лиц, приведшая их к трагической развязке, совершенно потерялась, и читатели, особенно дети, смогут усвоить только внешнюю сторону отношений воюющих народов. Пусть дети прочтут роман Маргерит, когда станут взрослыми, а эту книжку детям давать не стоит» [Литература о современной войне (Обзор 5) 1915, с. 3].

Среди наиболее плодовитых авторов военного времени была известная писательница Клавдия Лукашевич. Она выпускала не только книги собственного сочинения, но также являлась составителем многочисленных хрестоматий и сборников, включавших произведения самых разных жанров: стихи, рассказы, драматические отрывки. Литературная деятельность популярной писательницы часто становилась объектом критики авторов обоих журналов.

Так, в 1915 г. в февральских номерах журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям» выходят рецензии на составленную Лукашевич хрестоматию «Патриотическое школьное утро. Хрестоматия. 1914–1915», где предлагались материалы как для устройства патриотических детских праздников, так и для самостоятельного чтения детей. В книге пять разделов: 1 — стихотворения различных авторов, посвященные современной войне; 2 — отрывки из прозы; 3 — описание дел милосердия во время войны; 4 — патриотические стихотворения из родной истории; 5 — сцены для исполнения на школьном празднике.

Рецензент в «Что и как читать детям» указывает, что материалы для первых трех разделов взяты из газет и журналов, их литературные достоинства нередко весьма слабы, более того, большинство текстов отличается нарочитой тенденциозностью, а их выбор лишен какой-либо педагогической продуманности. Осуждению, например, подвергается включение в хрестоматию стихотворения Голенищева-Кутузова «Клад» — о русских солдатах, заживо погребенных турками, — поскольку оно способно пробудить в детской душе лишь злобу и жажду мести.

Разнообразные попытки представить читателю-ребенку лубочные портреты «народных героев» также не вызывают поддержки:

Вряд ли уместно описывать удаль К. Крючкова в таких выражениях, как «... он стал народным героем. Он, как богатырь Илья Муромец, один уничтожил целое вражье войско. Вот человек, о котором и песню споют и сказку расскажут. Мы, русские, можем гордиться, что среди нас есть еще богатыри...» и т. д. До чего все это непедагогично. Дети и так склонны видеть в удали героизм, а тут еще на школьном празднике им внедряют, что Крючков — это и есть истинный народный герой, гордость страны, равный высокому образу былинного Ильи Муромца [Без автора 1915, с. 79].

Неуместный патриотический пафос, попытка, предлагая упрощенные до расхожего анекдота тексты, манипулировать детским сознанием возмущает и авторов рецензии в «Новостях детской литературы»: « г-жа Лукашевич говорит о многом, но говорит так, как совсем не следовало бы говорить детям в наше время, когда перед нами развертываются события, глубину и значение которых сейчас даже еще трудно учесть» [Литература о современной войне (Обзор 2) 1915, с. 16].

Опаснейшим лицемерием считает рецензент и то, что по замыслу составительницы собранные в хрестоматии тексты должны быть использованы для устройства детских праздников:

В честь чего и зачем? Неужели война, поставившая перед человечеством бесконечный ряд нравственно противоречивых вопросов, принесшая с собой столько страданий, неужели она может служить поводом и материалом для устройства праздников? Война врывается в детскую без книг и нарочно устроенных для нее праздников. Дети лишаются отцов, братьев, близких; они по-своему и, может быть, больше, чем думает г-жа Лукашевич, страдают. И нужно протестовать перед подобным раскрытием перед детьми ужасов человеческих страданий, как это делает г-жа Лукашевич своими рассказами, перед нами проходит целый ряд описаний ужаснейших сцен, перед нами рассказы очевидцев и современников о войне, те рассказы, которые мы читаем ежедневно в газетах. Люди с перебитыми ногами, с осколками гранаты в голове, с перевязанными руками... Жутко за человека, и пусть, если пока возможно, это чувство минует детей [Литература о современной войне (Обзор 2) 1915, с. 16].

Вывод, который делают критики, строг: «Несмотря на присутствие в хрестоматии также и хороших произведений и недурных иллюстраций, мы в целом никак не можем признать ее сколько-нибудь желательной в руках детей» [Без автора 1915, с. 79].

Не избежал критики и другой сборник К. Лукашевич «Великая война», составленный из произведений как известных, так и мало-

известных поэтов. По мнению рецензентов из «Новостей детской литературы», именно они составляют большую часть сборника, где «немало произведений, ничего общего не имеющих с истинной поэзией» [Литература о современной войне (Обзор 5) 1915, с. 2]. Автор рецензии в «Что и как читать детям» В. Мияковский, отмечает не только низкое качество представленных в книге стихотворений, но также их явную воинственную ангажированность.

Мияковский обращает внимание и на тенденциозность в подборе иллюстраций, откровенно провоцирующих в читателе озлобление и ненависть к врагу. Его возмущение вызывают виньетки, изображающие меч со стекающей по нему кровью или немецкую каску, пробитую русским штыком, а также рисунок, где немецкие офицеры стреляют в иконы в храме: «Какое кощунство весь этот рисунок! Как мало надо иметь чувства, чтобы изобразить этот эффектный сюжет! А в детской книжке появление такого рисунка возмутительная оплошность. <...> Батальные картины, неверные и грубые, созданные, как и стихи, по трафарету — зачем все это в детской книге?» [Мияковский 1916, с. 175].

Вывод рецензента: «Патриотические чувства не воспитываются подобными книгами. К окончанию войны такая книга не приблизит. Эстетических переживаний не даст. Эта жестокая книга — посягательство на детскую душу, и надо протестовать, протестовать против нее» [Мияковский 1916, с.175].

Однако рецензенты не позволяют себе огульного шельмования автора столь одиозных изданий. Каждый новый текст Лукашевич оценивается объективно. Рассматривая очередной сборник писательницы, в который вошли два ее собственных рассказа: «Дружок-воин» и «Убежал на войну», авторы рецензии в «Новостях детской литературы» находят в них как положительные стороны, так и недостатки. Отмечается, что для первого рассказа — трогательной истории о собаке, прибывшей к военному отряду, — автор выбрала тему, интересную для детей, но при этом рецензент указывает, что Лукашевич не смогла и на этот раз избежать фальши, и делает вывод о том, что рассказ непригоден для детского чтения.

В то же время рассказ «Убежал на войну», где побег превоклассников на фронт показан не как героический поступок, а как неразумная шалость, причиняющая страдания близким людям, вызывает одобрение. В заслугу автору ставится то, что она рассказала и о волнениях, которые пришлось пережить матери и другим членам семьи, пока не нашелся маленький беглец. Но все-таки благие

намерения Лукашевич оказываются не реализованы, потому что она не нашла действенных средств выражения своей идеи:

Все это описывает г-жа Лукашевич с видимой хорошей целью — уничтожить у детей желание бежать на войну, но опять таки прибегает к негодным средствам, которые не могут вести к искоренению зла. Посмотрите, дети, сколько горя доставляете вы родителям своими необдуманными поступками, исправьтесь, говорит автор своим рассказом, забывая при этом, что дети не любят проповедей благонравия, что и вряд ли станут читать этот рассказ до конца. К тому же им чужды и неинтересны переживания взрослых, описанию которых так много места в своем рассказе уделяет г-жа Лукашевич [Рецензии на новые детские книги 1916, с. 19].

Вердикт рецензентов — «Сборник не рек.»

Вступив в принципиальную решительную борьбу со всем ложным, вредным, бесталанным, что предлагается детям в виде «патриотического» чтения, авторы обоих журналов стараются из многообразия текстов выбрать достойные детского чтения произведения, собирая их буквально по крупицам.

Так, пусть и с оговорками, похвалы рецензентов заслужили отдельные сочинения Е. И. Шведера. Например, оценивая рассказ «За родину», где писатель «попытался облечь в плоть и кровь одного из бесчисленных мальчиков, бегущих “на войну”» и очень часто не совсем ясно себе представляющих, где эта война происходит», критики отмечают, что автору удалось сделать это «довольно умело, не прибегая ни к каким мелодраматическим эффектам» [Литература о современной войне (Обзор 5-й) 1915, с. 2]. Герой рассказа Васька после долгих мытарств устраивается на работу в лазарет и уже больше не мечтает о поступлении в солдаты. Рецензентов смущает малолетство главного героя (ему всего 12 лет), и они советуют автору прибавить мальчику года два, но все же находят возможным рекомендовать повесть для среднего возраста.

Одобрение авторов коллективной рецензии, опубликованной в «Новостях детской литературы», вызывает и рассказ В. И. Дмитриевой «Мама на войне». Хотя он и был написан в 1903 г. и посвящен русско-турецкой войне, но трактовка военных событий совпадает с отношением к войне редакций двух журналов. Поэтому «Новости детской литературы», публикуя в 1916 г. обзор произведений известной писательницы, выделяют в связи с его актуальностью этот рассказ, главная положительная черта которого — то,

что он отвращает детей от войны, изображая страдания в доступной ребенку форме и пробуждая в нем милосердие:

Дети проникаются любовью и жалостью к тем, кого безжалостно губит и калечит война. <...> Как и в других, в этом рассказе светится бесконечная любовь автора к человеку, будь то иудей или эллин. Страдает не русский, не турок — страдает у автора просто человек, и это незаметно воспитательно действует на душу читателя и несомненно вызовет у него много мыслей, направленных не в сторону зла, но в сторону добра [Обзор произведений В. И. Дмитриевой 1916, с. 9].

Особого одобрения, в первую очередь за высокие литературные достоинства, заслужили рассказы Ивана Шмелева, которые, по мнению критиков,

...резко выделяются художественностью, наблюдательностью и тем умением немногими штрихами нарисовать яркую картину, которая присуща большому художнику. В его небольших рассказах, как в верном зеркале, полно и отчетливо отразилась душа русского народа, его отношение к настоящей войне; молчаливая, чуждая экспансивности, но тем не менее великая готовность постоять за родную землю и удивительное мужество души, дающее ему силу с наружным спокойствием встречать и радостную, и горестную весть [Литература о современной войне (Обзор 2-й) 1915, с. 8].

В 1916 г. увлечение военной темой явно идет на спад. Анализируя итоги 1915 г. журнал «Что и как читать детям» отмечал:

Наблюдения за чтением детей за истекший год показывают огромные скачки, неровности в чтении детей как в количественном отношении, так и особенно в характере чтения. После едва ли не поголовного увлечения книгами чисто военного содержания, дети, не без благотворного на этот раз влияния руководителей, набросились на чтение исторических и географических книг, потом можно было отметить как бы поворот к чтению классиков. Но во всяком случае интерес к чтению у детей не только не понизился, но, по-видимому, даже возрос [От редакции 1916, с. 2].

Вряд ли эту перемену читательских интересов можно ставить в заслугу лишь литературной критике. Несомненно начинала сказываться усталость общества от затянувшейся жестокой войны, но и попытки педагогов и руководителей детским чтением поставить заслон разрушающему антигуманному влиянию войны и перенаправить детские интересы в познавательное, мирное и гуманное русло очевидно внесли свою лепту, повлияв на настроения

общества. Усилия педагогов, руководителей детского чтения и критиков сыграли свою роль в том, что даже в годы войны военная тема не стала преобладающей в детском книгоиздании, репертуар которого поражает многообразием и включает как традиционную детскую классику — отечественную и зарубежную, так и новые интересные произведения на самые разные темы.

И все-таки именно Первая мировая война не только ввела военную тему во всем многообразии ее аспектов в русскую детскую литературу, где она ранее была представленной лишь немногочисленными произведениями⁶, но и определила направления ее трактовки, причем наиболее соответствующим требованиям художественной правды признавалось изображение войны как тяжелого испытания, войны-трагедии, а не войны-победы. Были поставлены важнейшие вопросы: о патриотизме, истинном и мнимом героизме, приоритете общечеловеческих гуманистических ценностей над индивидуалистическими интересами личностей и наций. Критики детской литературы следовали установленным в довоенное время принципам реализма, не допускающего фальши и приукрашивания жизни ни в сторону сгущения красок, ни, наоборот, облегчения сложной палитры чувств, вызванных войной, и соответствия произведений, предназначенных детям, возрастным особенностям юных читателей. В то же время особо важной в военное время становится задача педагогическая, предполагающая как защиту детей от тенденциозной пропагандистской продукции, так и воспитание гуманистических идеалов — но не путем прямолинейного морализаторства, а через создание ярких художественных образов, способных оказать облагораживающее влияние на детскую душу.

В 1916 г. целью работы руководителей детским чтением, педагогов и критиков все больше становится послевоенное будущее, возвращение к нормальной мирной жизни. В программной статье «Задачи момента (О детском шовинизме)» А. И. Колмогоров пишет о симптомах разрушающего влияния войны на детские души. Редактор журнала «Новости детской литературы» считает, что «нельзя ждать окончания войны, чтобы начать борьбу с ними и уничтожить их губительные результаты» [Колмогоров 1916, с. 1].

К сожалению, в 1917 г. оба журнала прекратят свое существование, а в пришедшей на смену старому миру советской детской литературе призыв «видеть человека во враге» будет восприниматься

как опасное вредительство. Но культура — процесс непрерывный, не поддекретный, и, оглядываясь ныне в наше прошлое, мы не можем не чувствовать культурного родства с тем пониманием задач и функций детской литературы предреволюционной эпохи, которые были забыты на целое столетие.

Примечания

¹ Стремясь к максимальной объективности оценок, редакция журнала «Что и как читать детям» принципиально отдавала предпочтение публикации коллективных отзывов, авторы которых «разделяют между собой труд прочтения вновь выходящих книг и, не считая каждого из своей среды порознь безусловно компетентным авторитетом, — взаимно проверяют свои впечатления, мнения и суждения и решаются предлагать читателям на столбцах нашего журнала только объективное мнение кружка, как целого, мнение, добытое после всестороннего рассмотрения каждой данной книги с разных точек зрения» [Что и как читать детям 1911–1912, № 1, с. 3]. Коллективные публикации (без указания имен авторов) появляются в дальнейшем и в журнале «Новости детской литературы».

² Подробнее об этом см. *Сергиенко И.* Концепция педагогической критики XIX века в истории изучения детской литературы [Сергиенко 2015].

³ Следует отметить, что военная тема даже в военные годы не преобладала в детском книгоиздании, большая часть печатной продукции, если судить по библиографическим спискам и обзорам, публиковавшимся в обоих журналах, носила привычный мирный характер.

⁴ Проблеме восприятия детьми военных событий и влияния на них военной пропаганды были, в частности, посвящены следующие статьи: Чуковский К. Дети и война // *Нива*. 1915. № 52; Рубинштейн М. М. Война и дети // *Вестник воспитания*. 1915. № 2; Колмогоров А. Война и дети // *Новости детской литературы*. 1915. № 3; Звягинцев Е. Отношение детей к войне // *Вестник воспитания*. 1915. № 4; Зеленко В. Война и чтение детьми газет // *Новости детской литературы*. 1915. № 2.

⁵ Например: «Обзор главнейшей литературы, появившейся в связи с интересом к войне»; «Список книг по географии воюющих стран» [Что и как читать детям 1915, № 1, с. 21–35].

⁶ Хотя в круг детского чтения и входили отдельные произведения, посвященные войне 1812 г., русско-турецкой и русско-японским войнам, но в целом они составляли лишь незначительную часть репертуара детских книг, причем лучшие из них — это произведения, заимствованные из взрослой литературы. Об этом, в частности, анализируя юбилейные издания, писал критик И Владиславлев — «беллетристических произведений, посвященных 12 году <...> не много, и ценность их не велика» [Владиславлев 1912, № 9, с. 10].

Источники

Абрамова В. [Рецензия] В. Абрамова // Что и как читать детям. 1916. № 5–6. С. 171–173. — Рецензия на книгу: Чарская Л. Игорь и Милица (Соколята). Повесть для юношества о великой войне. Петроград: Прометей, 1914.

Без автора [Рецензия] Без автора // Что и как читать детям. 1915. № 2. С. 78–80. — Рецензия на книгу: Лукашевич К. Патриотическое школьное утро. Хрестоматия. 1914–1915. М.: Изд. Сытина, 1915.

Без автора [Рецензия] Без автора // Что и как читать детям. 1911–1912. № 8. С. 26–27. — Рецензия на книгу: Немирович-Данченко В. Гроза. Роман из турецких войн. М.: Изд. Сытина, 1911.

Бекетова Н. [Рецензия] Н. Бекетова // Что и как читать детям. 1916. № 10. С. 279. — Рецензия на книгу: Шишкина А. В борьбе за родину. Пгр: Изд. Тов-ва В. Думнова, 1915.

Владиславлев И. Обзор популярной юбилейной литературы, посвященной 1812 г. // Новости детской литературы. 1911–1912. № 9. 15 мая. С. 3–10.

Владиславлев И. Обзор популярной юбилейной литературы, посвященной 1812 г. // Новости детской литературы. 1911–1912. № 12. 15 августа. С. 1–6.

Елачич Е. Место морали в детской книге // Что и как читать детям. 1911–1912. № 4. С. 1–7.

Елачич Е. Война и руководство детским чтением // Что и как читать детям. 1915. № 1. С. 12–19.

Елачич Е. [Рецензия] Е. Елачич // Что и как читать детям. 1916. № 9. С. 246. — Рецензия на книгу: Лукашевич К. Дружок-воин. Убежал на войну. М.: Изд. Сытина, 1916.

Колмогоров А. Принципы критики детских книг // Новости детской литературы. 1913. № 10–11. С. 1–6.

Колмогоров А. Задачи момента. О детском шовинизме // Новости детской литературы. 1916. № 2. С. 1–9.

Колмогоров А. Война и дети // Новости детской литературы, 1915, № 3. С. 1–7. Литература о современной войне (Обзор 2) // Новости детской литературы. 1915. № 2. С. 3–16.

Литература о современной войне (Обзор 3) // Новости детской литературы, 1915. № 3. С. 9–13.

Литература о современной войне (Обзор 5) // Новости детской литературы, 1915. № 6. С. 1–10.

Мияковский В. [Рецензия] В. Мияковский // Что и как читать детям. 1916. № 5–6. С. 173–175. — Рецензия на книгу: Лукашевич К. Великая война. М.: Изд. Сытина, 1915.

Обзор журналов для детского чтения за 1915 г. // Новости детской литературы. 1915. № 10. С. 1–12.

Обзор произведений В. И. Дмитриевой // Новости детской литературы. 1916. № 8. С. 7–13.

От редакции // Что и как читать детям. 1911–1912. № 1. С. 1–3.

От редакции // Что и как читать детям. 1913–1914. № 12. С. 1.

От редакции // Новости детской литературы. 1915. № 1. С. 1–2.

От редакции // Что и как читать детям. 1916. № 1. С. 1–2.

Павлова-Сильванская З. [Рецензия] З. Павлова-Сильванская // Что и как читать детям, 1915, № 4. С. 142–143. — Рецензия на серию книг: Рассказы о великой войне для семьи и школы. Наши раненые. Наши герои. Все в войне. На войне. По следам войны. М.: Изд. Сытина, 1915.

Павлова-Сильванская З. [Рецензия] З. Павлова-Сильванская // Что и как читать детям, 1915, № 7–8. С. 237–242. — Рецензия на серию книг: Война и народы. Серия книжек: 1. Стихотворения. 2. Золя. Осада мельницы. Доде. Послений урок. 3. Золя. Взятие Базейля. 4. Шрейнер. Рядовой Петр Холькет. 5. Мопассан. Пышка. 6. Выбор депутата. 7. Стриндберг. Угрызения совести. Золя. Кровь. 9. Маргерит В. Родная страна (из фр.-прусс. войны). 12. Ирасек. Песьи головы. Петроград: издания М. Слепцовой, 1915.

Популярная литература о современной войне. (Обзор 1) // Новости детской литературы. 1915. № 1. С. 5–10.

Рецензии на новые детские книги // Новости детской литературы. 1912. № 9. С. 19–31.

Рецензии на новые детские книги // Новости детской литературы. 1915. № 6. С. 19–25.

Рецензии на новые детские книги // Новости детской литературы. 1916. № 6. С. 17–21.

Родников В. Литература о детях и литература для детей в связи с войною (Библиографический очерк) // Дети и война. Киев: Издание Киевского Фребелевского общества, 1915. С. 69–77.

Саввин Н. Принципы критики детских книг // Новости детской литературы, 1911–1912, № 10–11. С. 1–13.

Чарнолусская Е. Критика детских книг в Германии // Что и как читать детям, 1911–1912, № 6. С. 1–5.

Чехов Н. В. Детская литература. Москва: Издательство «Польза», 1909.

Исследования

Колесова Л. Н. Детские журналы России (1785–1917). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014.

Сергиенко И. Концепция педагогической критики XIX века в истории изучения детской литературы // Детские чтения 2015. № 2. С. 76–94.

Хеллман Б. Мобилизация детей: военная тематика в журналах для детей и юношества периода Первой мировой войны // Политика и поэтика. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования, материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М.: НЛЮ, 2016.